

КРИСТОФЕР

ИШЕРВУД

**ФИАЛКА
ПРАТЕРА**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Кристофер Ишервуд

Фиалка Пратера

«Издательство АСТ»

1945, 1973

УДК 1(091)(460)
ББК 87.3(4Исп)

Ишервуд К.

Фиалка Пратера / К. Ишервуд — «Издательство АСТ», 1945,
1973 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133317-1

Уморительная история из «золотого века» кинематографа о голливудской постановке сентиментального и безвкусного комедийного мюзикла. Английский писатель, молодой Кристофер Ишервуд, поддавшись уговорам режиссера и из желания заработать, ввязывается в эту авантюру и пытается спасти никудышный сценарий. Тем временем на дворе 1934 год – кабаре, кино, бурная светская жизнь и аншлюс Австрии... Эксцентричные мэтры и их усталые помощницы, подковерные интриги и профессиональные амбиции, реальные и вымышленные происки конкурентов и все прочее, что обычно ускользает от света софитов.

УДК 1(091)(460)
ББК 87.3(4Исп)

ISBN 978-5-17-133317-1

© Ишервуд К., 1945, 1973
© Издательство АСТ, 1945, 1973

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Кристофер Ишервуд Фиалка Пратера

Посвящается Рене Блан-Роос

Christopher Isherwood
PRATER VIOLET

© Christopher Isherwood, 1945, 1973
© Школа перевода В. Баканова, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

- Мистер Ишервуд?
- Слушаю.
- Кристофер Ишервуд?
- Да, это я.
- Знаете, мы вчера весь день не могли до вас дозвониться, – с легкой укоризной произнес голос на том конце провода.
- Меня не было дома.
- Не было дома? – Кажется, звонивший мне не поверил.
- Да.
- А, понятно... – Задумчивая пауза, затем с подозрением: – Странно... У вас постоянно было занято.
- Простите, а с кем имею честь? – резковато поинтересовался я.
- «Империял булльдог».
- Кто-кто?
- «Империял булльдог пикчерз». Я звоню от имени мистера Четсворта... К слову, вы не бывали в Блэкпуле в тысяча девятьсот тридцатом году?
- Вы что-то напутали... – Я уже приготовился повесить трубку. – Ни разу в жизни не бывал в Блэкпуле.
- Прелестно! – Мой собеседник деловито хохотнул. – Значит, вы и мюзикл под названием «Фиалка Пратера» не видели?
- Нет. При чем тут?..
- Его сняли после трех показов. Однако мистеру Четсворту нравится музыка и почти все песни... Кстати, ваш агент утверждает, что вы прямо-таки знаток Вены.
- Вены? Я ездил туда всего раз, и то на неделю.
- Всего на неделю? – сварливо повторил голос. – Не может быть. Нам дали понять, что вы там жили.
- Речь, наверное, шла о Берлине.
- Ах, Берлин? Там ведь почти как в Вене? Мистеру Четсворту нужен человек, понимающий европейцев. Вы же говорите по-немецки? Это пригодились бы, ведь режиссером у нас будет Фридрих Бергманн из Вены.
- А-а...
- Сам Фридрих Бергманн.
- Не слышал о таком.
- Странно. Он тоже много проработал в Берлине. Вы не работали там в сфере кино?

– Я никогда и нигде в кино не работал.

– Как не работали? – испуганно спросили меня и тут же, оживившись, добавили: – Впрочем, не важно, мистеру Четсворту, по-моему, все равно. Он часто привлекает авторов без опыта в кинематографе. Я бы на вашем месте не волновался...

– Послушайте, – перебил я, – с чего вы взяли, будто мне хоть сколько-нибудь интересно ваше предложение?

– О... знаете, мистер Ишервуд, это уже, боюсь, вне моей компетенции... – затараторили в трубке. – Уверен, мистер Кац все уладит с вашим агентом. Не сомневаюсь, мы с вами как-нибудь договоримся. Будем на связи. До свидания...

– Минуту, я...

Трубку повесили. В некотором возмущении я, как дурачок, принялся давить на рычаг. Потом отыскал в справочнике номер «Империял булльдог», набрал было его и тут же положил трубку. Вернулся в столовую – мама с Ричардом, моим младшим братом, все еще сидели за столом. Я встал в дверном проеме и как ни в чем не бывало закурил.

– Это Стивен? – спросила мама. Обычно она знает, когда нужно заговорить первой.

– Нет. – Я выдохнул облако густого дыма и хмуро взглянул на каминную полку, где тикали часы. – Киношники.

– Киношники! – Ричард со звоном опустил чашку на блюдце. – О, Кристофер, это же здорово!

Я нахмурился сильнее.

Выдержав должную паузу, братец очень и очень осторожно поинтересовался:

– Хотели, чтобы ты написал им сценарий?

– Судя по всему, – скучающе протянул я.

– О, Кристофер, это так увлекательно! О чем фильм? Или тебе нельзя говорить?

– Я не спрашивал.

– А, понятно... Когда приступаешь?

– Никогда. Я отказался.

– Отказался? О... жалость какая!

– Вообще-то...

– А что так? Мало денег предлагали?

– О деньгах мы не говорили, – с намеком на укор ответил я Ричарду.

– Ну да, конечно, это не твое дело. О таких вещах договаривается агент. Уж он-то знает, как выдоить заказчика досуха. И много ты запросишь?

– Я же тебе сказал: я отклонил предложение.

Повисла еще пауза, после которой мама самым своим заботливым и беззаботным тоном произнесла:

– Право слово, фильмы нынче день ото дня становятся только глупее. Неудивительно, что путного писателя в кино никакими деньгами не заманишь.

Я молчал, но хмурился уже не так сильно.

– Думаю, через пару минут они перезвонят, – с надеждой произнес Ричард.

– С какой стати?

– Должно быть, ты нужен им позарез, иначе стали бы они звонить в такую рань? К тому же киношники отказов не принимают, так ведь?

– Поди, звонят уже следующему в списке кандидатов, – фальшиво зевнул я. – Ладно, пойду, что ли, домочаю одиннадцатую главу.

– Умеешь же ты сохранить хладнокровие в любой ситуации, – восхищенно и с полным отсутствием Софоклова сарказма похвалил меня Ричард. – Я бы на твоём месте так переволновался, что до конца дня не сумел бы выжать из себя и слова.

– Увидимся, – пробормотал я, снова зевая и потягиваясь, однако у двери на меня напала такая нерешительность, что я застыл, глядя на сервант. Потеребил ключик в замке на ящике с ложками, закрыл его, открыл, закрыл. Высморкался.

– Еще чаю? – предложила мама, с легкой улыбкой глядя на мое представление.

– О, не отказывайся, Кристофер, он еще совсем не остыл!

Не говоря ни слова, я вернулся за стол. Утренняя газета так и лежала там, где я бросил ее полчаса назад, – смятая и безвольная, будто из нее кровью утекли все новости. По-прежнему муссировали тему выхода Германии из Лиги Наций. Какой-то эксперт предсказывал, что где-то в следующем году, когда линия Мажино¹ станет неуязвимой, Гитлеру нанесут превентивный удар. Геббельс предупредил германский народ, что на выборах двенадцатого ноября² будет всего два пункта: «за» и «за». Губернатор Кентукки Руби Лаффун присвоил Мэй Уэст³ звание полковника.

– Дантист кухни Эдит, – сообщила мама, передавая мне чашку, – похоже, не сомневается, что Гитлер скоро нападет на Австрию.

– Серьезно? – Я как-то вдруг повеселел и, сделав большой глоток, откинулся на спинку стула. – Право, у дантистов такие источники сведений, каких больше ни у кого нет. Вот только я в своем неведении не возьму в толк, каким образом...

И меня понесло. Мама подливала чаю Ричарду и себе. Словно разыгрывая пантомиму, они с улыбками передавали друг другу молоко и сахар, а потом сидели, с комфортом откинувшись на спинки, – ни дать ни взять завсегдатаи ресторана при первых нотах любимой мелодии.

Через десять минут я разгромил все возможные аргументы, которых стоило ожидать от дантиста, и еще много тех, которых не стоило. В ход пошли мои любимые словечки: гауляйтер, солидарность, демарш, диалектичный, гляйхшальтунг⁴, инфильтрация, аншлюс, реализм, транш, партиец. Затем, закулив еще сигарету и переведа дух, я вкратце принялся рассказывать историю национал-социализма после Пивного путча⁵.

Зазвонил телефон.

– Вот ведь докучливая штукавина! – мягко посетовал Ричард. – Вечно звонит, когда ты рассказываешь что-нибудь интересное. Не отвечай. Скоро им надоест...

Однако я уже вскочил с места, едва не опрокинув стул, и выбежал в коридор.

– Алло, – запыхавшись, произнес я в трубку.

Ответа не было. Лишь кто-то горячо с кем-то спорил на фоне музыки по радио.

– Алло? – повторил я.

Голоса зазвучали еще тише.

– Алло! – уже кричал я.

На этот раз меня услышали. Трубку накрыли ладонью, окончательно глуша голоса и музыку.

– Ну и черт с вами!

Ладонь убрали.

– Идиотизм! – пророкотал мужской голос с сильным иностранным акцентом. – Словами не выразишь!

---

¹ Названная так в честь военного министра Андре Мажино (1877–1932) линия французских укреплений на границе с Германией. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² 12 ноября 1933 года в Германии состоялись парламентские выборы. После запрета на деятельность любых партий, кроме НСДАП, у голосующих попросту не оставалось альтернативы.

³ Мэй Уэст (1893–1980) – скандально известная американская актриса, сценарист и драматург. За ярко выраженную сексуальную тематику ее пьесы неоднократно подвергались жесткой критике и снимались с показа.

⁴ От нем. *gleich* (одинаковый) и *schaltung* (включение). Проводимая НСДАП политика насильственного вовлечения в идеологию нацистов, искоренения выбора и инакомыслия.

⁵ Предпринятая Гитлером попытка государственного переворота 8–9 ноября 1923 года в Мюнхене.

– Алло! – закричал я. – Алло! Алло! Алло! Алло! Алло!

– Подождите, – отрывисто, будто назойливого ребенка, попросил иностранец.

– Черта с два я стану ждать! – Прозвучало так глупо, что я сам расхохотался.

С трубки на том конце снова убрали ладонь, и в микрофон водой из-за прорванной плотины хлынули голоса и музыка. Да как громко!

– Алло, – быстро и нетерпеливо заговорил иностранец. – Алло, алло!

– Алло?

– Алло? Это доктор Бергманн.

– Доброе утро, доктор Бергманн.

– Да? Доброе утро. Алло? Алло, я бы хотел поговорить с мистером Ишервудом. Немедленно, если позволите.

– Слушаю.

– Мистер Кри-истоф-фер Ишерву-уд... – очень осторожно, как будто читая с бумаги, протянул доктор Бергманн.

– Да. Это я.

– *Ja, ja...*⁶ – Терпение Бергманна достигло предела. – Я бы хотел лично переговорить с мистером Ишервудом. Позовите его, будьте добры.

– Кристофер Ишервуд – это я, – ответил я на немецком. – С вами только я и говорил.

– Ах, так это вы, мистер Ишервуд! Чудесно! Что же вы сразу не сказали? И вы знаете мой язык? Браво! *Endlich ein vernünftiger Mensch!*⁷ Вы не представляете, как я рад вас слышать! Скажите, дружище, можете вы ко мне приехать, прямо сейчас?

– Сегодня, хотите сказать? – насторожился я.

– Нет, сейчас, как можно немедленно, сей же миг.

– У меня жутко занятое утро... – попробовал отговориться я, однако доктор Бергманн перебил меня, страдальчески вздохнув:

– Какая глупая затея. Просто ужас. Я сдаюсь.

– Впрочем, после обеда я бы, пожалуй...

Бергманн как будто не слышал.

– Безнадежно, – бормотал он. – Я совершенно один в этом проклятом идиотском городе. Никто ни слова не понимает. Ужас. Ничего не поделаешь.

– А вы бы не могли, – предложил я, – приехать ко мне?

– Нет, нет. Ничего не поделаешь. Забудьте. Это все чересчур сложно. *Scheusslich*⁸. – Повисла пауза.

Я в напряжении закусил губу и стал обдумывать главу одиннадцатую. Решимость постепенно таяла... Да будь он проклят!

– Где вы живете? – без энтузиазма спросил я.

Бергманн там к кому-то обернулся и воинственно проревел:

– Где я живу?

Я не расслышал, что ему ответили. Сам Бергманн прорычал:

– Ни слова не понимаю. Вот сами ему и скажите.

– Алло, сэр? – уверенно заговорил со мной кокни⁹. – Мы в отеле «У Кована», что в Бишопсгейте. Сразу через улицу от станции метро. Не промахнетесь.

– Благодарю, – ответил я. – Скоро буду. До св...

Бергманн торопливо заговорил:

---

⁶ Да, да (*нем.*).

⁷ Наконец хоть один разумный человек! (*нем.*)

⁸ Отвратительно (*нем.*).

⁹ Один из известнейших лондонских диалектов, характерный для представителей средних и низших слоев города. Известен главным образом за счет неверного произношения и рифмованного сленга.

– Момент! Момент! – После непродолжительной, но яростной борьбы он, похоже, вновь завладел трубкой: – Скажите, друг мой, когда вы будете?

– О, примерно через час.

– Час? Это слишком долго. На чем вы едете?

– На метро.

– Не лучше ли взять такси?

– Нет, – решительно возразил я, прикинув стоимость поездки от Кенсингтона до станции «Ливерпуль-стрит», – не лучше.

– Почему же?

– Так даже медленнее, чем на подземке. Ну знаете, пробки на дорогах...

– Ах, пробки. Просто ужас. – Снова послышался глубокий-глубокий хриплый вздох. Точно кит приготовился нырнуть в пучину океана.

– Не волнуйтесь, – попытался я ободрить Бергманна. Разубедив его насчет такси, я к нему даже потеплел. – Очень скоро буду у вас.

Бергманн слабо застонал. Он явно не поверил мне.

– Прощайте, друг мой.

– *Auf Wiedersehen*... Или нет, так пока нельзя сказать? Мы же с вами еще не виделись¹⁰. – Однако он успел повесить трубку.

– Что, снова киношники? – спросил Ричард, когда я вернулся в столовую.

– Нет. То есть да, в некотором смысле. Потом расскажу. Сейчас надо бежать. О, мамочка, я, наверное, слегка опоздаю к обеду...

* * *

Само собой, отель «У Кована» не располагался через улицу от станции метро. Вообще, если вас заверяют, мол, что-то стоит сразу через дорогу от станции метро, знайте: это не так. К отелю я прибыл в дурном расположении духа; мне дважды неверно указали дорогу, один раз меня чуть не сбил автобус, а еще я запыхался. Так хотелось встретить Бергманна достойно, но всю дорогу от подземки пришлось бежать.

Заведение было довольно небольшим. У двери стоял носильщик – должно быть, нарочно ждал.

– Вы мистер Ишервуд, верно? То-то доктор будет рад. Он сильно недоволен. Из-за какой-то ошибки приехал на день раньше условленного. В порту его никто не встретил, были какие-то проблемы с паспортом и на таможне, да еще он потерял чемодан. Обычная кутерьма. Порой такое случается.

– Где он сейчас? Наверху?

– Нет, сэр. Только что выбежал за сигаретами. Наши ему не нравятся. Видно, если привык к континентальному табачку, другой и не нужен. У него вкус мягче.

– Хорошо. Я подожду.

– Позвольте совет: лучше идите за доктором. Сами знаете, каково у нас иностранцам: середь бела дня на Трафальгарской площади теряются. Не то чтобы мы на их месте вели себя ловчее... Уже не знаю, что и думать, доктора минут двадцать как нет.

– В какую сторону он пошел?

– Третий дом за углом налево. Не промахнетесь.

– Как я узнаю доктора Бергманна?

– О, сэр, – с задором ответил носильщик, – его ни с кем на свете не спутаешь.

---

¹⁰ Буквально формула *auf Wiedersehen* означает «увидимся снова».

* * *

Девушка в табачной лавке оказалась не менее словоохотливой. Не пришлось даже описывать доктора Бергманна – его визит и без того произвел на нее сильное впечатление.

– Тот еще чудак, – хихикая, сказала она. – Спросил, каково мне целый день тут торчать. А я ему: даже не думала, времени нет... Потом мы разговорились о снах.

Бергманн поведал о некоем заграничном докторе, утверждавшем, что в снах заложен совершенно неожиданный смысл. Преподнес он это как великое научное открытие, чем сильно позабавил девушку, уронив себя в ее глазах: она-то про сны знала давно. От тетки ей достался «Сонник царицы Савской», который составили, еще когда тот доктор на свет не родился.

– Представляете, сосиски снятся к ссоре. Если только вы их не едите – тогда сон к любви или доброму здравью, так же как и чихание или грибы. Мне на днях приснилось, будто я снимаю чулки, а на следующее утро брат перевел мне почтой пять фунтов и шесть шиллингов. Сны, конечно, не всегда вот так сбываются, бывает, что и не сразу...

Тут я наконец сумел перебить ее, спросив, в какую сторону ушел Бергманн.

Девушка ответила, что ему захотелось купить журнал или еще какого чтива, и она отправила его к Митчеллу, это в конце улицы – там сразу увидишь.

– Вы бы отнесли ему сигареты, – добавила она. – Он их на прилавке забыл.

У Митчелла тоже запомнили иностранного господина, но уже не в таком хорошем свете. Тут он успел набедокурить. Бергманн попросил «Нью Уорлд-стейдж» и пришел в сильное негодование, когда парнишка-продавец, решив, что это театральный журнал, принес не то «Стейдж», не то «Эра». Я живо представил, как Бергманн стонет: «Безнадежно. Ничего не поделаешь», – снисходя потом до объяснений, дескать, «Нью Уорлд-стейдж» – это немецкий журнал о политике. Парнишка посоветовал ему заглянуть в привокзальную книжную лавку.

Я совершенно вышел из себя. Дело все больше напоминало погоню, и я, точно гончая, несясь по следу. Однако только в книжной лавке ощутил себя полным глупцом. Продавцы там были слишком заняты и не запомнили никого с иностранным акцентом; за последние полчаса к ним таких заглянуло несколько человек. Я ошалело огляделся по сторонам, обратился к двум похожим с виду незнакомцам, нарвавшись в ответ на подозрительные и оскорбленные взгляды, и поспешил назад в отель.

Носильщик снова меня ждал.

– Не повезло, сэр. – Он обращался ко мне, как сочувствующий болельщик к последнему в забеге с препятствиями.

– Вы о чем? Бергманн так и не вернулся?

– Вернулся и снова ушел, через минуту, как вы убежали. «Где он?» – спрашивает, совсем как вы. Потом ему позвонили – господин со студии. Мы ему все утро дозвониться пытались. И вот, он попросил доктора приехать как можно быстрее. Я говорил, что вы сейчас вернетесь, но доктор и слушать не стал. Он такой, сэр, – само нетерпение. Я его в такси и посадил.

– Он не оставил мне записки?

– Оставил, сэр. Вы должны встретиться с ними в кафе «Рояль». Ровно в час.

– Да будь я проклят.

Я прошел в вестибюль, сел в кресло и утер пот со лба. Что ж, ладно. Кем они себя возомнили? Будет мне наука. Одно я решил точно: от меня они и слова не дождутся. Только если не придут ко мне сами и не просидят у порога весь день.

* * *

Я нашел их в гриль-зале.

Явился на десять минут позже, слегка потешив уязвленное тщеславие. Метрдотель знал мистера Четсворта и указал, где его найти. Я же присмотрелся к нему с расстояния, не спеша подходить к столику.

Спиной ко мне сидел обладатель взъерошенной седой шевелюры, а напротив него – мордатый блондин с жиденькими прилизанными волосами, в очках с толстой роговой оправой. Седой напряженно подался вперед, тогда как мордатый, душа нараспашку, откинулся на спинку стула.

– Между нами, – разглагольствовал он, – у них один недостаток: нет *savoir vivre*¹¹.

Взгляд его бледных, увеличенных очками глаз блуждал по залу. Без удивления он задержался на мне:

– А вот и мистер Ишервуд. Рад видеть. Вы двое, полагаю, еще не знакомы?

Сказав это, мордатый остался сидеть, зато Бергманн с поразительной живостью вскочил из-за столика. Ни дать ни взять клоун на представлении.

«Грустный клоун», – отметил я про себя и, пожимая Бергманну руку, не сдержал улыбки: мне показалось, что представлять нас друг другу излишне. Бывает, встретишь человека, и оказывается, что давно его знаешь. Разумеется, мы с Бергманном знали друг друга. Сам он, его голос, черты были несущественны, а вот его лицо я знал. Это было лицо политической ситуации, целой эпохи. Лицо Центральной Европы.

Уверен, Бергманн понимал, что происходит у меня в голове.

– Как поживаете, сэр? – Он с легкой иронией выделил последнее слово. Мы некоторое время постояли, приглядываясь друг к другу.

– Присаживайтесь, – великодушно пригласил мистер Четсворт. Затем он поднял голос: – *Garçon, la carte pour monsieur!*¹² – Посетители на нас обернулись. – Советую взять *Tournedos Chasseur*¹³, – добавил он.

Я же выбрал *Sole Bonne Femme*¹⁴, которое мне, в общем-то, не нравится, просто оно первым попало на глаза, да и я был решительно настроен доказать Четсворту, что решаю за себя сам. Он успел заказать шампанское.

– До вечера ничего другого не пейте. – Четсворт поведал, что в Сохо есть погребок, где он хранит личные запасы кларета. – Прикупил неделю назад на аукционе шесть дюжин. Пospорил с дворецким, что найду нечто получше того, что было у нас. Он у меня чертовски хорош, негодник такой, но тут был вынужден признать мою правоту.

Бергманн чуть слышно хмыкнул. Под его пристальнейшим взглядом любой смутился бы и смолк, но Четсворт продолжал неспешно есть, сопровождая каждый кусочек новым откровением. Бергманн же, проглотив мясо с каким-то остервенелым нетерпением, закурил. Зажатая в его крепких волосатых пальцах без колец сигарета обвиняющим указательным перстом смотрела точно в грудь Четсворту.

Невероятно крупная голова Бергманна была словно высечена из гранита. В ней я видел бюст римского императора с темными глазами старого лихача. Тесный тускло-коричневый костюм Бергманну не шел, воротник рубашки душил, неровно повязанный галстук сбился набок. Краем глаза я разглядывал большой и крепкий подбородок, угрюмо сжатые в линию губы, резкие морщины, идущие вниз от царственного носа, буйные черные волосы в ноздрях. У Бергманна было лицо императора, а вот глаза... глаза принадлежали его рабу, рабу, который с насмешкой повинует, следит, шутит и осуждает непонимающего господина; раба, на кото-

---

¹¹ Манеры (фр.).

¹² Официант, меню господину! (фр.)

¹³ Турнедо по-охотничьи (фр.).

¹⁴ Филе морского языка по-домашнему (фр.).

рого господин всецело полагается в развлечениях, руководстве и проявлении власти; раба, что пишет басни о зверях и людях.

От вина Четсворт плавно, как бы невзначай, перешел к Ривьере. Спросил у Бергманна, не бывал ли тот в Монте-Карло. Бергманн отрицательно хмыкнул.

– Охотно вам признаюсь, – сказал Четсворт, – что Монте – родина души моей. Канны мне всегда были безразличны, а у Монте есть *je ne sais quoi*¹⁵, нечто уникальное. У меня пунктик: каждую зиму приезжать туда дней на десять. Дела, не дела – срываюсь и еду. Если бы не отдых в Монте, проклятые туман и морось Лондона меня доконали бы. Месяц гриппа, если не хуже. Да я, черт возьми, студии услугу оказываю – так им и говорю. *Garçon!*

Четсворт сделал паузу, чтобы заказать, не спросив нас, креп «Сюзетт», и признался, что он на самом деле вовсе не игрок.

– Мне хватает азарта и риска в киноиндустрии, а рулетка – забава для дурачков. Пусть сосунки да старухи в нее играют. Хотя шмен-де-фер¹⁶ мне нравится, в том году пару тысяч в нее просадила. А вот моя супруга предпочитает бридж. Чертовски, говорю я ей, ограниченно.

Мне стало любопытно, хватает ли Бергманну познаний в английском, чтобы поспевать за мыслью Четсворта. Выражение его лица становилось все более и более загадочным. Похоже, и Четсворт это заметил, он начал сомневаться в своей аудитории. Попробовал зайти с другой стороны, похвалив метрдотелю креп «Сюзетт».

– Мои комплименты Альфонсу, и передайте ему, что он превзошел себя.

Метрдотель низко поклонился. Видимо, знал, как вести себя с Четсвортом.

– Ради вас, мсье, мы всегда рады постараться. Вы большой знаток и ценитель.

Четсворт прямо просиял.

– Жена все пеняет мне, называет красным. А я вот не могу удержаться, с души воротит от того, как обращаются с обслугой. Никакого внимания, особенно к шоферам, будто они не люди вовсе. У наших снобов людидохнут на работе: встают ни свет ни заря, собственной душой не владеют. Я себе такого позволить не могу, держу трех шоферов: двое возят меня днем, третий ночью. Жена всю плешь проела, говорит, уволь кого-нибудь. Я ей: «Либо у нас работают все трое, либо садись за руль сама». Уж она-то не сядет. Женщины чертовски дурные водители, но моя хотя бы это признает.

Подали кофе, и Четсворт достал внушительный чехол удивительной работы: отделанный красным сафьяном, размером с карманную Библию. Внутри лежали сигары. Каждая, сообщил Четсворт, стоит пять фунтов и шесть пенсов. Я отказался, зато Бергманн угостился, прикурив с невероятно мрачной и хмурой физиономией.

– Стоит к ним пристраститься, и больше ничего другого курить не станете, – заверил нас Четсворт, а потом снисходительно добавил: – Завтра пришлю вам коробочку.

До этого образ Четсворта казался мне неполным, зато сейчас, попыхивая сигарой, он словно вырос. В бледных глазах зажегся пророческий огонек.

– Уже много лет у меня одна великая цель. Вы будете смеяться, как и все. Говорят, я чокнутый... Мне все равно. – Он сделал паузу, а после торжественно произнес: – «Тоска», с Гарбо¹⁷.

Бергманн бросил на меня быстрый загадочный взгляд, затем выдохнул с такой силой, что голову Четсворта окутало облаком смешанного дыма. Видимо, такой реакции Четсворт и добивался, потому как вид у него был очень довольный.

---

¹⁵ Здесь: что-то этакое (*фр.*).

¹⁶ Или шемми, вариант баккара – карточная игра, где исход порой решают не навыки игрока, а удача.

¹⁷ Грета Гарбо – псевдоним американской актрисы шведского происхождения Греты Ловисы Густафсон (1905–1990), одной из немногих, кто успешно перешел из немого в звуковое кино.

– Без музыки, конечно же. Я бы сделал все совершенно просто. – Он снова замолчал, видимо, ожидая наших возражений, но мы молчали. – Это одна из величайших историй, просто люди ее не понимают. Боже, она величественна.

Еще одна многозначительная пауза.

– Знаете, кого я хочу в сценаристы?

Судя по тону, Четсворт готовился нас оглушить.

Тишина.

– Сомерсета Моэма.

Полнейшая тишина, нарушаемая пыхтением Бергманна.

Четсворт откинулся на спинку и, будто вынося ультиматум, произнес:

– Не заполучу Моэма, брошу затею к черту.

Я хотел было спросить: «Уже обращались к нему?» – но вопрос показался мне неуместным. Под серьезным взглядом Четсворта я выдавил слабую нервную улыбочку. Она ему, впрочем, понравилась: видимо, он истолковал ее как-то по-своему и неожиданно ответил мне своей довольной улыбкой.

– Уверен, я знаю мысли Ишервуда, – заявил Четсворт. – И он тоже прав, черт побери. Признаю. Я несносный интеллектуальный сноб.

Бергманн резко поднял на меня взгляд. Ну вот, подумал я, наконец-то он заговорит. Черные глаза сверкнули, губы изогнулись, формируя слово, а руки уже обрисовали жест, как вдруг Четсворт произнес:

– Привет, Сэнди.

Я обернулся и не поверил глазам: возле столика стоял Эшмид. Эшмид, который за десять лет остался практически прежним: все тот же красавчик шатен, не изменивший вкусу к повседневной моде, в изящной спортивной куртке, шелковом пуловере и фланелевых брюках.

– Сэнди – наш редактор, – принялся представлять его Бергманну Четсворт. – Упорный, как мул: и Шекспира переписшет, если ему не понравится.

Эшмид по-кошачьи улыбнулся.

– Привет, Ишервуд, – тихо и весело произнес он.

Мы встретились взглядами.

Так и хотелось спросить: «Ты-то здесь за каким чертом?!» Я ведь и правда сильно поразился. Эшмид поэт. Эшмид звезда Общества Марлоу¹⁸. Он явно сообразил, о чем я думаю, однако своими ясными золотистыми глазами смотрел на меня с усмешкой как ни в чем не бывало.

– Вы двое знакомы? – спросил Четсворт.

– В Кембридже учились, – коротко ответил я, продолжая с вызовом глядеть на Эшмида.

– В Кембридже, говорите? – впечатленный, повторил Четсворт. Мои акции явно взлетели на несколько пунктов.

Взглядом я как бы призывал Эшмида: ну, опровергни, – однако он лишь улыбался.

– Время возвращаться на студию, – вздохнул Четсворт, поднимаясь из-за стола и разминая ноги. – Доктор Бергманн поедет с нами, Сэнди. Поставишь ему тот фильм с Розмари Ли, хорошо? Как он, чтоб его?..

– «Луна над Монако», – ответил Эшмид таким тоном, каким иной человек запросто произносит «Гамлет».

Бергманн с глухим трагичным стоном встал.

– Работа так себе, – весело сказал ему Четсворт, – зато увидите актрису в деле.

---

¹⁸ Основанный в 1907 году театральный клуб для студентов Кембриджа. Назван в честь Кристофера Марлоу, современника и менее известного «коллеги» Шекспира, отсюда и репертуар клуба – относительно неизвестные исторические спектакли.

Мы направились к двери. Довольный и дородный Четсворт, высокий и стройный, словно кипарис, Эшмид, а между ними – массивный и приземистый Бергманн. Я же плелся в хвосте, ощущая себя лишним.

Четсворт властным жестом отослал гардеробщика прочь и сам помог Бергманну надеть пальто. Со стороны казалось, будто он одевает римскую статую. Шляпа Бергманна напоминала дурную шутку: маленькая, она нелепо сидела на макушке в копне седых кудрей, а лицо Бергманна угрюмо выпирало из-под нее, словно лик низложенного и осмеянного толпой императора. Эшмид, конечно же, не носил ни шляпы, ни пальто. При себе он имел только идеально сложенный зонт. На улице ждал «роллс-ройс» Четсворта с шофером – машина в светло-серых тонах, в масть свободной, ладно скроенной одежде хозяина.

– Сегодня лучше хорошенько выспаться, Ишервуд, – милостиво посоветовал мне Четсворт. – Мы загоняем вас в хвост и в гриву.

Эшмид молча, с улыбкой забрался в машину следом за ним.

Бергманн задержался. Пожимая мне руку, он невероятно тепло и очаровательно улыбнулся.

– До свидания, мистер Ишервуд, – произнес он по-немецки, стоя ко мне чуть не вплотную. – Я позвоню утром. – Его взгляд был глубок и ласков. – Уверен, нам понравится работать вместе. Вы и сами уже знаете, я перед вами совершенно открыт. Мы с вами как двое женатых мужчин, что встретились в борделе.

* * *

Дома Ричард с мамой ждали меня в гостиной.

– Ну?

– Успехи есть?

– Как все прошло?

– Ты его видел?

Я плюхнулся в кресло.

– Да, – сказал я, – мы встретились.

– И... все хорошо?

– В каком смысле – все хорошо?

– Ты берешься за работу?

– Не уверен... хотя... да. Да, видимо, берусь.

* * *

Человек Четсворта определил Бергманна на служебную квартиру в районе Найтсбридж, недалеко от Гайд-парка. Там я доктора следующим утром и застал: я еще не поднялся по лестнице, а он уже вышел встречать меня на площадку.

– Поднимайтесь! – приветственно зазывал Бергманн. – Выше! Выше! Смелее! Где же вы? Не сдавайтесь! Ага! Ну наконец! *Servus*¹⁹, дружище!

– И? – спросил я, пожимая ему руку. – Как вам тут?

– Ужасно! – Бергманн комично подмигнул мне из-под кустистой черной брови. – Тут сущий ад! Вы вошли в преисподнюю.

---

¹⁹ Приветствую (нем.).

Этим утром он напоминал не императора, а старого шута: взъерошенного, в цветастом шелковом халате и трагикомичного, как все клоуны, отдыхающие за кулисами после представления.

Он положил руку мне на плечо.

– Во-первых, объясните, пожалуйста: во всем ли городе столь же ужасно, как здесь?

– Ужасно? Отчего же? Мы в лучшей части Лондона! Это вы трущоб и пригорода не видели.

Бергманн широко улыбнулся.

– Просто невероятное облегчение.

Он провел меня вглубь квартиры. В небольшой гостиной было жарко, как в тропиках, и накурено, хоть топор вешай. Воняло свежей краской. Всюду были разбросаны предметы одежды, бумаги и книги – будто шлак от извержения вулкана.

– Мадемуазель! – позвал Бергманн, и из дальней комнаты вышла девушка. Прямые светлые волосы убраны за уши; лицо овальное, гладкое и, наверное, даже симпатичное, если бы не острый подбородок. На девушке были очки без оправы, губная помада неверно подобранного оттенка и «форма» стенографистки: опрятные жакет и юбка. – Дороти, познакомьтесь с мистером Ишервудом. Дороти – мой секретарь, прекраснейший из даров великодушного мистера Четсворта. Понимаете, Дороти, мистер Ишервуд – добрый Вергилий, мой проводник в этой англосаксонской комедии.

Дороти ответила улыбкой типичного секретаря – слегка смущенного и в то же время готового к любой прихоти безумного работодателя.

– И да, убавьте, пожалуйста, огонь, – попросил Бергманн. – Дышать нечем.

Дороти опустилась на колени в углу и отключила ревущий газовый камин.

– Я вам еще нужна, – деловым тоном спросила она потом, – или мне пойти заняться письмами?

– Милая, вы нам всегда нужны. Без вас мы и секунды не протянем, вы наша Беатриче. Однако прежде нам с мистером Вергилием надо познакомиться. Или, скорее, это ему надо со мной познакомиться. Ибо, видите ли, – продолжил Бергманн, когда Дороти вышла, – я о вас уже все знаю.

– Вот как?

– Определенно. Все самое важное. Погодите, я вам кое-что покажу.

Бергманн с улыбкой вскинул указательный палец, прося о терпении, и зарылся в одежду и бумаги. С нарастающим любопытством я принялся следить, как он постепенно входит в раж: наткнется на что-нибудь ненужное, рассмотрит, словно смердящий трупик крысы, и отшвырнет, похмыкивая или восклицая: «Омерзительно!», «*Scheusslich!*», «Невыразимо глупо!». Таким вот образом он откопал пухлую черную записную книжку, зеркальце для бритья, флакон тоника для волос и брюшной ремень. Наконец под горой рубашек отыскался экземпляр «Моей борьбы»²⁰; Бергманн поцеловал его и тут же бросил в корзину для бумаг.

– Обожаю его! – сказал он мне, изобразив кривую комичную улыбку.

Затем Бергманн переместился в спальню, где, пыхтя и фыркая, продолжил рыться. Я же подошел к каминной полке, чтобы разглядеть фото крупной смешливой блондинки и худенькой, темненькой девочки затравленного вида. Бергманн тем временем дошел до ванной, откуда выпорхнули влажные полотенца. Наконец раздалось победное: «Ага!» – и Бергманн широким шагом вернулся в гостиную, размахивая над головой книгой. Это был мой роман «Мемориал. Семейный портрет».

– Ага, видите? Я прочитал его в полночь. Потом еще раз утром, в ванне.

Я был до нелепого польщен.

---

²⁰ Или «Майн кампф», нем. «*Mein Kampf*», изданная в двух томах (в 1925 и 1926 гг.) автобиография Адольфа Гитлера.

– Я такое сразу вижу... Живете с родителями?

– С мамой и братом. Отец умер.

Бергманн хмыкнул и кивнул, словно врач, нашедший подтверждение неутешительному диагнозу.

– Вы типичный маменькин сынок. Такова английская трагедия.

Я рассмеялся.

– Знаете, англичане в большинстве своем женятся.

– На матерях, и это катастрофа. Европа рухнет.

– Должен признать, что не совсем улавливаю...

– Европа непременно рухнет из-за этого, и я все опишу в романе. Первые несколько глав уже готовы. Книга называется «Итонский Эдип»²¹. – Бергманн неожиданно расплылся в чарующей улыбке. – Однако не переживайте, мы все изменим.

– Ну хорошо, – усмехнулся я. – Переживать не стану.

Бергманн закурил и, выдохнув, почти полностью скрылся в облаке дыма.

– Итак, настал ужасный, неизбежный миг, когда нам надо поговорить о преступлении, на которое мы идем: это насилие над обществом, безмерная гнусность, скандал и святотатство... Вы уже прочли оригинальный сценарий?

– Вчера вечером мне прислали его с курьером.

– И?... – Бергманн внимательно посмотрел на меня, ожидая ответа.

– Он даже хуже, чем я ожидал.

– Чудесно! Отлично! Я, видите ли, тот еще старый грешник, меня уже ничем не проймешь, а вот вы удивляетесь, поражаетесь. Ведь вы невинны, и без этой невинности, невинности Алеши Карамазова, мне ничего не сделать. Я растлю вас, научу всему, с самых основ... Знаете, что такое кино? – Он сложил ладони чашечкой, словно принимая в них утонченный цветок. – Это адская машина. Стоит запустить ее и привести в действие, как она закручивается с невероятной скоростью и не останавливается, не знает пощады. Ее действий не отменить. Она не ждет, пока вы все поймете, не объясняется. Только ширится и пухнет, пока не грянет неизбежный взрыв. И мы, точно анархисты, этот взрыв готовим с предельным остроумием и коварством... Будучи в Германии, вы не смотрели «*Frau Nussbaum's letzter Tag*»?²²

– Смотрел, конечно. Раза три или четыре.

Бергманн просиял.

– Это я его поставил.

– Вы? Seriously?

– Не знали?

– Боюсь, я не читал титры... Так это же одна из лучших немецких картин!

Бергманн восторженно кивнул, принимая комплимент как должное.

– Скажите это Зонтику.

– Зонтику?

– Красавчику Браммеллу²³, который пришел к нам вчера, когда мы обедали.

– А, Эшмид...

– Он ваш большой друг? – встревоженно спросил Бергманн.

– Нет, – я усмехнулся. – Не совсем.

– Видите ли, его зонтик кажется мне чрезвычайно символичным. Британское благоприличие диктует: «Мои традиции меня защитят. В пределах моего личного парка не случится

---

²¹ От Итона, или Итонского колледжа, элитной частной школы для мальчиков, и имени мифического царя Фив Эдипа, женившегося на родной матери.

²² «Последний день фрау Нуссбаум» (нем.).

²³ Джордж Брайан Браммелл (1778–1840), он же Красавчик Браммелл – лондонский денди и законодатель мод.

решительно ничего неприятного, ничего непорядочного». И этот уважаемый зонтик – волшебная палочка англичанина, которой он размахивает в надежде, что Гитлера не станет. Когда же Гитлер нагло откажется исчезнуть, англичанин раскроет зонтик и скажет: «Какое мне, собственно, дело до этого карлика?» И тут сверху прольется дождь из бомб и крови. Зонтик от бомб не защитит.

– Не стоит недооценивать зонтик, – сказал я. – Им успешно пользовались гувернантки против быков. У него очень острый кончик.

– Вы ошибаетесь. Зонт бесполезен... С Гёте знакомы?

– Немного.

– Погодите. Я вам кое-что прочту. Подождите, подождите.

* * *

– Вся прелесть фильма в том, – объяснял я следующим утром маме и Ричарду, – что действие в нем развивается с определенной постоянной скоростью. То, как вы его видите, обусловлено математически. Вот, скажем, есть картина, на нее можно взглянуть лишь мельком или полчаса пялиться в левый верхний угол полотна. То же с книгой. Автор не в силах помешать вам прочитать ее по диагонали, застрять на последней главе или прочесть задом наперед. Смысл в том, что тут вы сами выбираете подход. Другое дело, когда идете в кинотеатр. Вы смотрите фильм именно так, как задумал режиссер. Он вкладывает в ленту какие-то свои мысли, и на то, чтобы уловить каждую из них, вам отводится энное количество секунд или минут. Упустите что-то, и он ничего уже не повторит, не остановится, чтобы объяснить. Просто не сможет. Он запустил процесс, который должен довести до конца... Фильм, видите ли, и впрямь как некая адская машина...

Я осекся, поймав себя на том, что вскинул руки в одном из характерных бергманновских жестов.

* * *

Я вполне доволен собой как писателем, однако едва мы начали сотрудничать с Бергманном, как в первые же несколько дней моя самооценка заметно снизилась. Я льстил себе, считая, будто у меня есть воображение, что я могу придумать диалог или развить характер персонажа. Я верил, будто сумею описать почти что угодно, совсем как художник, способный изобразить старика, стол или дерево.

О, как я ошибался!

Время действия – начало двадцатого века, в преддверии Первой мировой. Теплый весенний вечер в венском Пратере. Танцевальные залы озарены огнями. В кофейнях людно. Оркестры наяривают. Над верхушками деревьев рвутся фейерверки. Раскачиваются качели. Вращаются карусели. Открыты цирки уродцев, цыганки гадают, мальчишки играют на концертинах. Толпы гуляк едят, пьют пиво, прогуливаются тропинками вдоль берега реки. Пьяные горланят песни. Влюбленные под ручку неспешно идут и шепчутся в тени вязов и тополей.

Девушка по имени Тони продает фиалки. Все ее знают, да и у нее для каждого найдется доброе слово. Предлагая цветы, она смеется и шутит. Один офицер лезет целоваться, но она весело уворачивается. Старушка потеряла собачку – Тони сочувствует ей. Какой-то возмущенный и тираничный господин ищет дочь – Тони знает, где та и с кем, но деспоту-отцу не скажет.

Потом, беспечно идя аллеями с корзинкой в руке, она встречает симпатичного студента. Он искренне представляется Рудольфом, однако он не тот, кем кажется. На самом деле это кронпринц Бородании.

Вот это все предстояло описать.

– Не думайте пока о кадрах, – говорил Бергманн. – Только о диалогах. Создайте атмосферу. Надо же камере что-то снимать.

Не получилось. Я чуть не плакал от бессилия. Казалось бы, чего проще? Взять, например, отца Тони. Полный и жизнерадостный мужчина, торгует венскими колбасками. Он говорит с клиентами. Он говорит с Тони. Тони говорит с клиентами. Те отвечают. И все это здорово веселит, забавляет, радует. Вот только что они там, черт побери, говорят?

Я не знал, не знал, что писать, – и обратился к гордости. В конце-то концов, работаю на киношников, мне подвернулась халтура, нечто изначально поддельное, дешевое, вульгарное. Нечто ниже моего достоинства. Зря я вообще в это ввязался, поддавшись опасному обаянию Бергманна, а еще купившись на гонорар в размере двадцати фунтов в неделю, которые «Империял булльдог» отстегивала мне с готовностью и легкостью. Я предавал искусство. Неудивительно, что работа не шла.

Всё отговорки. Я и сам в них не верил. Речь людей не вульгарна. Старик, продающий колбаски, не вульгарен, хотя изначально «вульгарный» и значит «простонародный». Вот у Шекспира он заговорил бы. И у Толстого. А у меня молчал, потому что, несмотря на весь мой салонный социализм, я был снобом. Я не знал, кто и как говорит. Мне бы только юношей из закрытых школ да невротическую богему озвучивать.

В отчаянии я обратился к знакомым фильмам. Пытался быть умным, острить. Придумывал сложные, многословные шутки. Я написал диалог длиной в страницу, который ни к чему не привел и лишь выдавал интрижку с чужой женой у какого-то второстепенного персонажа. Что до Рудольфа, принца инкогнито, то он разговаривал как худший, шаблоннейший герой музыкальных комедий. Мне было страшно показывать свои потуги Бергманну.

Он прочел мою писанину, сильно хмурясь и под конец издав короткий утробный хмык; впрочем, он не испугался и не удивился.

– Позвольте я вам кое-что скажу, мэтр, – произнес он, походя бросая рукопись в мусорную корзину. – Фильм – это симфония. Каждое движение прописано в определенном ключе. Ноты нужно брать верно и своевременно. Оркестр должен быть сыгранным, чтобы удерживать внимание зрителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.